

НЕЗАВИСИМЫЙ ТУРКМЕНИСТАН: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Е.А. Гавровская

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
e.a.gavrovskaya@nsuem.ru

В статье анализируется становление нового национального дискурса на постсоветском пространстве на примере процессов, происходящих в Туркменистане. Исследуется особая роль президента С. Ниязова в формировании новой версии политической идентичности.

Ключевые слова: постсоветское пространство, архаизация, политическая идентичность, национальный дискурс, феномен Туркменбаши.

Становление независимости бывших советских республик требовало выработки ими собственной национальной идеологии. Эта идеология была призвана легитимировать создававшуюся государственность и, в большинстве случаев, авторитарную политическую систему. Ярким примером такой идеологической легитимации выступает Туркменистан. Осознание того, что независимый Туркменистан оказался в состоянии глубокого политического кризиса в 1990-е годы, привело к установлению в стране авторитарного режима и побудило элиты попытаться выработать новую систему координат. При этом отказ от коммунистической идеологии происходил при внешнем и декларативном принятии демократических ценностей.

Среди форматоров нового националистического дискурса в Туркменистане ведущую роль сыграл президент С. Ниязов. Опираясь на свое окружение, Туркменбаши удалось сформировать комплекс государственной идеологии, своего рода новой ре-

лигии, в которой, по замечанию С. Горака, «смешались черты коммунизма, ислама и традиций языческих восточных деспотий»¹. Идеология «башизма» пронизывает законы республики, политические программы, методы интерпретации археологических находок и архитектуру. Ведущие элементы этой идеологии – государственность, национализм, архаизация, единство, исключительность, лояльность режиму. Все они служат одной цели – сохранению власти Туркменбаши и возглавляемой им ахалтекинской племенной группировки.

Новая версия политической идентичности должна была базироваться не на верности и преданности коммунистической идеологии, а на идее политической независимости и нейтралитета Туркменистана. Эта задача осложнялась тем, что к моменту обретения независимости он был в значительной степени традиционным регионом, отличительными признаками которого яв-

¹ Горак, С. Мифы великого Туркменбаши // Вест. Евразии–Acta Eurasica. – 2005. – № 2. – С. 105–133

лялись «патриархальная социальная организация, разделенность социокультурного пространства по признакам клановости, землячества, отсутствие общегражданской самоидентификации, единого правового сознания».² Советские туркмены как нация зародились в 1924 году, когда впервые появляется само понятие «Туркменистан». До того туркмены идентифицировали себя преимущественно по признаку кланового родства, а не по признаку общности территории.

Туркменбаши обозначил три основных столпа туркменской идеологии – независимость, нейтралитет и священную книгу «Рухнама», которые должны были привести туркменский народ к золотому веку (Алтын асыр).

Формируя новую идентичность, «отец всех туркмен» С. Ниязов обращается к истории народа и дает ее единое правильное толкование в книге «Рухнама». С. Горак сравнивает «Рухнаму» с «Мейн Кампф» Гитлера, «Веляят-е Факих» Хомейни или «Зеленая книга» Кадаафи. Однако если первые два сочинения открыто призывают к экспансии, в том числе и военной, «Зеленая книга» и «Рухнама» нацелены скорее для домашнего «употребления». История туркмен в бессмертном произведении С. Ниязова начинается примерно 5000 лет тому назад, когда появился мистический предок народа – Огуз хан. По официальной версии, туркмены были создателями 70 государств. Н.А. Добронравин отмечает: «В этом утверждении есть доля истины, но нельзя не заметить, что те туркмены, которые создавали новые государства и династии, обычно покидали территорию современ-

² Сапаров, Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>. – Загл. с экрана.

ного Туркменистана. Остававшиеся в родных краях не желали подчиняться никому и регулярно беспокоили соседей, особенно персов, своими набегами. Только более слабые или перешедшие к оседлости время от времени признавали себя подданными Персии, Хивы и Бухары в зависимости от того, какое из этих государств было сильнее в данный момент. Сильные племена, например текинцы (теке), часто притесняли слабых, но единого хана над всеми туркменами не было и не могло быть. Почти вся территория современного Туркменистана представляла собой своего рода «Дикое поле», лежавшее между земледельческими областями Центральной Азии и Ирана».³

Наиболее яркой эпохой туркменской истории Туркменбаши считает династию так называемых «туркмен» – Селджукидов. Последующие столетия потом описываются как упадок туркменского народа. Единственным исключением считается эпоха XVIII века, когда жил Махтумкули, один из идолов туркменской литературы в современной идеологии. Именно с ним связана попытка национального возрождения туркмен в период иностранного влияния, которое погубило все туркменское. Упадок народа достигает своего пика в конце XIX века, который считается началом российского «ига». Гоекдепинское сражение 1881 г. между российскими и туркменскими войсками с поражением последних – самая большая трагедия туркменского народа.

Последующий период трактуется крайне отрицательно. Российская и советская власть препятствовали превращению Туркменистана в богатый край и отложили начало «Золотого века». Как пишется в

³ Добронравин, Н.А. Туркменистан: великое одиночество // СССР после распада / под общей ред. О.Л. Марганя. – СПб.: Эконом. шк., 2007. – С. 435.

Рухнаме, «советская эпоха довершила разрушение нации самым уязвимым для нее образом – заменой национальной государственности на государственность автократическую. Правящее советское государство не было заинтересовано в историческом возвышении коренного для этой земли народа, напротив оно всячески подавляло его».⁴

«Туркменская модель развития», объявленная президентом Ниязовым, сначала подчеркивала медленный переход туркменского общества от советской системы к демократическим принципам. Главную роль в этом процессе должно было сыграть государство, что соответствует принципу этатизма. Главный принцип этой демократической модели заключался в «защите в нынешних непростых условиях подавляющего большинства населения, обеспечить ему гарантированную помощь государства, не выбрасывая людей за борт».⁵ На основе этой идеи выросла концепция президента о «национальном бесклассовом обществе принципиально нового типа, не имеющего аналогов в исторической ретроспективе и в современном мире, организм которого трансформируется в справедливое, правовое общество всеобщего благоденствия, в котором все будет подчинено благополучию и процветанию человека»⁶.

С государственной ролью при установлении нового общества тесно связана и центральная фигура современной поли-

тической системы Туркменистана – вождь (сердар). Бессменность президента, принятая в конце 1999 г., стала уже привычным явлением для государств Центральной Азии. Но практически ни один из режимов новейшей истории мусульманских стран не позволил себе искать среди предков президента Пророка Мухаммада или объявить диктатора пророком, провозгласившего новую религию, как это произошло в Туркменистане.

Националистический характер современной пропаганды Сапамурат Туркменбаши поставил выше других черт своей идеологии. Националистическая пропаганда помогла, кроме всего прочего, в начале независимости ликвидировать потенциальную оппозицию (группа Агзыбирлик). Туркменский вождь в этот национализм добавил, подобно другим режимам в евразийском пространстве, тезис об исключительности туркменского народа (туркменчилик), образец которому можно найти, например, в Турции (туркчулук)⁷.

Идеология Туркменбаши пытается подавить влияние субэтнических структур туркмен – кланов. Президент вообще отрицает их присутствие в современном туркменском обществе. На самом деле процесс афишируемой деархаизации идет совсем в обратном направлении – традиционные клановые структуры укрепились. «В настоящее время можно сказать, что большинство населения Туркменистана знает, к какой родоплеменной общине принадлежит», – пишет С. Горак. Он также отмечает, что с момента создания туркменского государства в 20 гг. прошлого века доступ к источникам и перераспределению богат-

⁷ Горак, С. Идеология режима Туркменбаши [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slavomirhorak.euweb.cz/Turkmenbasys-conferencepaper2004.htm>. – Загл. с экрана.

⁴ Ниязов, С. Рухнама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/ruhnama/ruhnama-rus.html>. – Загл. с экрана.

⁵ Ниязов, С. Мне известен маршрут в «золотой век» моей страны // Независимая газета, 27.10.1999, с. 8.

⁶ Каменев, С. Современное социально-политическое положение Туркменистана. Центральная Азия и Кавказ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gundogar.org/ruspages/270.htm>. – Загл. с экрана.

ства был у туркмен племени ахалтеке. Этот процесс с обретением независимости еще более усилился: «Все аспекты туркменской идеологии относятся, прежде всего, к ахалтекинцам и учитывают их традиции и историю»⁸.

В рамках политического и интеллектуального дискурса в Туркменистане начала доминировать националистическая версия исторического воображения, основанная не на рефлексии относительно прошлого, а на его последовательной мифологизации. Исследуя мифологические конструкты, используемые форматорами национального дискурса Туркменистана, С. Горак и С.В. Рязанова отмечают следующие моменты. В мифе едины целое и часть. Воздействие на целостность может осуществляться через какой-либо элемент такого объекта. Аналогичной целостностью является и социум, не допускающий минимальной деструкции (прежде всего выведения членов общества за его пределы) и обладающий ригидностью по отношению к внешним воздействиям. «Здесь нельзя не вспомнить выход Сердара всех туркмен из договора о двойном гражданстве. К явлениям того же порядка относился закон о государственном калыме, согласно которому жених-иностранец обязан выплатить государству выкуп в размере 50 000 долл. США помимо традиционного калыма семье невесты. Прямым следствием для туркменского населения стала невозможность переселения за пределы туркменского государства»⁹.

⁸ Горак, С. Указ. соч.

⁹ Горак, С., Рязанова, С.В. Мифологическое и религиозное в идеологии постсоветского Туркменистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2006/2006razd1/Gorak,%20Ryazanova.htm> – Загл. с экрана.

Имя бога символично и выполняет функцию смыслового структурирования социального пространства. Подобное отношение наиболее наглядно можно продемонстрировать с помощью новых названий месяцев, введенных в 2002 г. Прежде всего это имена «пророков» «Рухнамь». Кроме того, это титулы президента и упоминания его родителей: Туркменбаши (январь) – нельзя не обратить внимания, что это первый месяц в году, а следовательно, системообразующий; Байдак (февраль), во время которого отмечается день рождения президента, трактуемый как день Государственного флага; Гурбансолтан (апрель), названный по имени матери президента. Три основных положения идеологии символизируют Рухнама (сентябрь), Гарашсызлык (октябрь) – независимость и Битараплык (декабрь) – нейтралитет. Вместе с тем исследователи указывают, что «подобное распределение наводит на мысль уже не о мифологических константах культуры, а скорее, о догматических границах религиозной системы, присваивающих любым попыткам выхода за ее пределы статус кощунственных, богоотступнических, еретических. К мифологической составляющей здесь можно отнести разве что недопущение альтернативы в виде иного культурного кода»¹⁰.

Миф объединяет вербальную и мифологическую реальность: материальное и идеальное воздействия имеют равную силу. Особое внимание, уделяемое речевым формам, – одна из наиболее значимых черт архаических культур. Апологетика созданной Ниязовым «Рухнамь» – свидетельство актуализации архаических характеристик в туркменской идеологии. Книга

¹⁰ Там же.

«наделяется одновременно магическими (слово как оберег, некое заклинание) и религиозными качествами (слово как способ конституирования отношений с Богом): стены самой большой мечети страны украшены цитатами из «Рухнамы», издание которой должен поцеловать каждый посетитель храма»¹¹.

Выступления С. Ниязова являются ценным источником по истории развития политического и националистического дискурса в постсоветском Туркменистане. Изучение и восстановление, по мнению президента, подлинного туркменского языка было признано одной из важнейших задач государства: «старотуркменские слова, используемые в древних манускриптах, обязательно должны даваться со сноской, чтобы читатели приобщались к исконно туркменской речи. На телевидении начали давать толкование древних слов, встречающихся в «Рухнаме»: «к сожалению, молодежь не знает их. А ведь у нас прекрасный, сочный, красивый язык. Мы должны использовать эти слова в художественной литературе»¹².

Таким образом, Туркменбаши создает политическую систему, опирающуюся на псевдоисторию и псевдотрадиции, выдуманные или приспособленные к образу Сердара. Божественные черты, которые проявляются в туркменской идеологии,

можно понять, лишь обращаясь даже не к исламу, а к языческим церемониям доисламского периода.

В политическом языке С. Ниязова заметно влияние старого советского политического языка. Помимо трендов, призванных стимулировать лояльность туркменскому режиму С. Ниязова, в своих выступлениях президент уделял особое внимание формированию образа врага. При этом, по замечанию М.В. Кирчанова, «в условиях авторитарного режима враги Туркменистана оказались в значительной степени персонифицированы, будучи представленными критиками и оппонентами С. Ниязова»¹³. Политическая оппозиция, по мнению С. Ниязова, представлена «проворовавшимися проходимцами, преступниками и подлецами, которые, бежав от заслуженного наказания из своей страны, вознамерились изменить существующий конституционный строй и захватить в свои руки власть»¹⁴. По мнению С. Ниязова, туркменская оппозиция антинациональна, связана с Европой и Россией.

Антисоветские нарративы в выступлениях С. Ниязова могут быть рассмотрены как проявления постколониальной травмы туркмен, полученной ими после 70 лет

¹¹ Горак, С., Рязанова, С.В. Мифологическое и религиозное в идеологии постсоветского Туркменистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2006/2006razd1/Gorak,%20Ryazanova.htm> – Загл. с экрана.

¹² Выступление Президента Туркменистана С. Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас» (12.02.2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://niyazov.sitcity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2702070824 – Загл. с экрана.

¹³ Кирчанов М.В. Президент как форматор политической идентичности, президент как конструктор политического пространства (основные проблемы и направления в развитии политического языка в постсоветском Туркменистане) // «Наша Родина – независимый Туркменистан». Политический язык постсоветского Туркменистана / сост. и вступ. ст. М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2009. – С. 9.

¹⁴ Выступление Президента Туркменистана С. Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14–15 августа 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://niyazov.sitcity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_0509083101. – Загл. с экрана.

советского авторитаризма. В исполнении С. Ниязова антисоветская риторика звучала как в значительной степени антиколониальная: «во времена СССР в нашей республике не было ни одного приличного завода. Мы производили миллионы тонн хлопка, не имея при этом нормальной текстильной фабрики. Или же, добывая десятки миллионов тонн нефти, не имели ни одного нефтеперерабатывающего завода. Во времена СССР в год мы экспортировали 90 миллиардов кубометров газа. Только Туркменистану от всех этих богатств ничего не перепадало»¹⁵.

На фоне укрепления авторитарных тенденций элиты пытались сформировать образ Туркменистана как демократического государства. В широком использовании демократической риторики М.В. Кирчанов видит свидетельство постколониального характера туркменской государственности: «Для постколониальных обществ характерно использование политического языка, насыщенного заимствованиями из бывшей метрополии. Нередко это может быть язык бывшей доминирующей общности, но окрашенный националистическими настроениями нового активно институционализирующегося государства, которое ссылаясь на ценности демократии и прав человека, фактически может развиваться (и нередко – развивается) в рамках авторитарной политической модели»¹⁶.

Усилиями идеологов формировался образ самой древней нации, древность которой имела и другое измерение – стабильность, что автоматически делало нелегитимными любые попытки пересмотреть основания режима. Воспринимая в

качестве одной из своих важнейших задач поиск доказательств того, что туркмены являются государственной нацией, туркменские националисты охотно объявляют некоторые государства древности туркменскими. Если нетуркменский характер великих цивилизаций не вызывает сомнений, то туркменские националисты «находят» следы прогрессивного влияния со стороны древнетуркменских племен. «Подобные «исторические» конструкции не случайны: они призваны актуализировать политическую идентичность туркмен, показав причастность туркменских племен к великим государственно-политическим традициям древности»¹⁷.

После смерти С. Ниязова политический дискурс в Туркменистане почти не изменился. Режим функционирует как авторитарный, но с некоторыми модификациями, в частности – с большей открытостью миру. В конце 2009 года туркменское общество ожидало возвращение «Рухнамы». Президент рекомендовал использовать ее в воспитании молодежи, что было воспринято как однозначный сигнал по дальнейшему следованию курсом башизма. «Второе пришествие» «Рухнамы», по замечанию А. Бегмурадова, «выглядит естественным шагом со стороны режима — ещё одним шагом по идеологической и культурной унификации общества»¹⁸.

Литература

Аждарова, С. Национальную культуру — на перековку в «Рухнаму» [Электронный ресурс] / С. Аждарова. – Режим доступа: <http://www>.

¹⁷ Там же. С.15–16.

¹⁸ *Аждарова, С.* Национальную культуру на перековку в «Рухнаму» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ca-oasis.info/oasis/?jrn=121&id=905> – Загл. с экрана.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Кирчанов, М.В.* Указ. соч. – С. 13.

ca-oasis.info/oasis/?jrn=121&id=905. – Загл. с экрана.

Выступление Президента Туркменистана С. Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас» (12.02.2004) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://niyazov.sitcity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_2702070824 – Загл. с экрана.

Выступление Президента Туркменистана С. Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14–15 августа 2003 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://niyazov.sitcity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_0509083101. – Загл. с экрана.

Горак, С. Идеология режима Туркменбаши [Электронный ресурс] / С. Горак. – Режим доступа: <http://www.slavomirhorak.euweb.cz/Turkmenbasy-conferencepaper2004.htm>. – Загл. с экрана.

Горак, С. Мифы великого Туркменбаши / С. Горак // Вестник Евразии–Acta Eurasica. – 2005. – № 2. – С. 105–133.

Горак, С. Мифологическое и религиозное в идеологии постсоветского Туркменистана [Электронный ресурс] / С. Горак, С.В. Рязанова. – Режим доступа: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2006/2006razd1/Gorak,%20Ryazanova.htm>. – Загл. с экрана.

Добронравин, Н.А. Туркменистан: великое одиночество / Н.А. Добронравин // СССР после распада / под общ. ред. О.Л. Маргания. – СПб.: Эконом. шк., 2007. – С. 435.

Каменев, С. Современное социально-политическое положение Туркменистана. Центральная Азия и Кавказ [Электронный ресурс] / С. Каменев. – Режим доступа: <http://www.gundogar.org/ruspages/270.htm>. – Загл. с экрана.

Кирчанов, М.В. Президент как форматор политической идентичности, президент как конструктор политического пространства (основные проблемы и направления в развитии политического языка в постсоветском Туркменистане) / М.В. Кирчанов // «Наша Родина – независимый Туркменистан». Политический язык постсоветского Туркменистана / сост. и вступ. ст. М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2009.

Ниязов, С. Мне известен маршрут в «золотой век» моей страны / С. Ниязов // Независимая газ. – 1999. – 27 окт. – С. 8.

Ниязов, С. Рухнама [Электронный ресурс] / С. Ниязов. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/ruhnama/ruhnama-rus.html>. – Загл. с экрана.

Сапаров, Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» [Электронный ресурс] / Н. Сапаров. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>. – Загл. с экрана.